

в Людовике XIV любила не царя, а человека, и всем ему пожертвовала: своим сердцем, невинностью, спокойствием, светом», — начинает Карамзин повествование о «несчастной» Лавальер, в конце жизни, подобно Магдалине, обратившейся к Христу.

Трогательности, меланхоличности требует Карамзин и от скульптуры. Его не удовлетворяет надгробие Пигалля маршалу Морицу Саксонскому, которое Фонвизин и Радищев отнесли к числу сильнейших произведений искусства. Ему не нравится ни «смерть в образе скелета», ни презрение к смерти, выраженное на лице маршала. Но другой памятник работы того же Пигалля приводит Карамзина в восторг. «Ангел одною рукою снимает камень с могилы д'Аркура, другую держит светильник, чтобы снова воспламенить в нем искру жизни. Супруг, оживленный благотворною теплотою, хочет встать и слабую руку простирает к милой супруге, которая бросается в его объятия. Но смерть немолчаливая стоит за д'Аркуром, указывает на свой песок, и дает знать, что время жизни прошло. Ангел гасит светильник... Никогда резец Пигаллев не действовал на мое чувство столь разительно, как в сем трогательном меланхолическом представлении» (3, 27; 5, 27—28).

По описанию Карамзина видно, что в первом случае скульптор создал сильный характер, во втором — семейную драму с участием ангела. Но постоянно говоря о характерах, писатель часто отворачивается от тех произведений искусства, в которых они выходят за пределы строго определенных «красивых» чувств.

В начале XIX в. Карамзин отказывается от декларирования общественной индифферентности искусства и подчеркивает воспитательную функцию его, причем речь идет уже не об абстрактно понимаемой красоте, а об определенном круге идей. «Не только историк и поэт, но и живописец и ваятель бывают органами патриотизма», — говорит он в статье «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств», напечатанной в 1802 г. в «Вестнике Европы». «Таланту русскому всего ближе и любезнее прославлять русское», — почти дословно повторяет Карамзин слова одного из своих противников 90-х годов — П. А. Плавильщикова.

Статья имеет программный характер. Подобно тому, как то сделал Ломоносов в 1764 г.,³⁷ Карамзин намечает сюжеты для картин и делает непосредственные указания художникам. Так как оба они обращаются к летописи, некоторые сюжеты повторяются, но есть и характерные расхождения. Ломоносов, согласно своему желанию представить в искусстве «древнюю славу праотцев на-

³⁷ См.: М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950—1957, т. 6, стр. 365—373; т. 8, стр. 807—816; т. 10, стр. 581 и др. Об отношении Ломоносова к изобразительным искусствам см. мою статью «О некоторых вопросах эстетики М. В. Ломоносова» (Ученые записки Ленингр. гос. педаг. инст., Факультет языка и литературы, вып. 3, Л., 1956, стр. 5—38).